

Она жадно припала к стаканчику, допивая остатки своего напитка, а затем приложила и к порции Цю Цинши.

Цю Цинши положила подбородок ей на макушку:

— Дорогая, ты пришла в себя?

Яо Сянъи недовольно проворчала:

— Не называй меня дорогой, бессердечная ты дрянь.

Цю Цинши тихо усмехнулась. Её пальцы скользнули вниз, нащупали поясницу Яо Сянъи и, поглаживая её со всех сторон, вкрадчиво отозвалась:

— Хорошо-хорошо, я дрянь.

Сменив тон, она поддела её:

— Столько лет прошло, а ты ни капли не стала смелее.

Зато характер у тебя стал совсем как у деспотичного босса.

Яо Сянъи с досадой оттолкнула её и отвернулась, оставив подругу созерцать свою исполненную обиды спину.

Осознав свою вину, Цю Цинши принесла искренние извинения. Яо Сянъи, будучи человеком великодушным, решила простить её. К тому моменту, как она окончательно успокоилась, зал уже опустел. Остались только они вдвоем, и Цю Цинши, обняв её за талию, повела к выходу.

У лифтов былолюдно. Цю Цинши спряталась в углу, натянула маску, и Яо Сянъи, взяв инициативу на себя, повела её в обход.

Коридор был пустым и холодным, залитым резким белым светом.

Как только Цю Цинши ступила внутрь, её резко дернули за запястье и вжали спиной в прохладную стену. Яо Сянъи, окутанная жаром собственного дыхания, нависла над ней, уперевшись руками в стену по обе стороны от её головы, полностью лишая возможности сбежать.

Цю Цинши охнула от неожиданности и боли.

Яо Сянъи, словно выплескивая гнев, прикусила её за нос прямо поверх маски.

Цю Цинши, чувствуя одновременно боль и наслаждение, положила тонкие руки на плечи Яо Сянъи, упиваясь этой близостью.

Закончив, Яо Сянъи слегка отстранилась и прорычала:

— Ты самая невыносимая из всех. Если еще раз вздумаешь так меня дразнить, посмотрим, как я с тобой расправлюсь.

Цю Цинши, решив, что маска только мешает, сорвала её и отшвырнула в сторону. Она подалась вперед, прижавшись лбом ко лбу Яо Сянъи, и в её глазах, подернутых томной дымкой, заиграли искры:

— Хорошо. Тогда скажи сначала, как именно ты собираешься со мной расправляться?

Её голос, отражаясь от узких стен, звучал как мягкий морской прибой, с каждым ударом отзываясь в самом сердце Яо Сянъи.

Любовь переполняла сердце Яо Сянъи, и её сознание на мгновение помутилось.

В глубине души прозвучал голос, напоминающий: это возлюбленная, которая ей не принадлежит.

Она потупила взгляд, и блеск в её глазах погас, словно падающая звезда:

— Поехали домой.

Заметив её отстраненность, Цю Цинши схватила её за затылок, не давая отстраниться:

— Раньше ты была не такой.

Яо Сянъи подняла бровь:

— А какой я была раньше?

Цю Цинши провела алым кончиком языка по зубам и прильнула к губам Яо Сянъи.

Словно иссохшая земля после долгой засухи, она жадно впитывала живительную влагу. Они давно не целовались. Из горла Цю Цинши вырвался тихий вздох, полный удовлетворения,

словно она наконец утолила голод.

— Ты была именно такой, — прошептала она тоном учительницы, поучающей ученика.

Пламя страсти Яо Сянъи, раздутое этим поцелуем, вспыхнуло с новой силой. Рассудок рухнул в одно мгновение. Она недобро прищурилась и сжала подбородок подруги:

— Ты усвоила лишь верхушку айсберга.

\*\*\*

Цю Цинши впервые в жизни позволяла себе такие нежности в коридоре. Это было опасно — их могли заметить в любую секунду, — но острота ощущений не уступала гонке на внедорожнике по горному серпантину.

Они быстрым шагом дошли до парковки и продолжили целоваться уже в машине.

Когда поцелуи закончились, Цю Цинши заявила, что проголодалась, и потребовала найти место для ночного перекуса.

Яо Сянъи крутанула руль, выезжая с парковки:

— Фильм я с тобой посмотрела, будь довольна.

Цю Цинши пристегнула ремень и недовольно буркнула:

— При чем тут довольна? Если я голодна, я должна поесть.

— Закажем доставку домой, — Яо Сянъи свернула на второстепенную дорогу и продолжила по-своему: — Сейчас как раз сезон раков, они крупные и сочные. Возьмем всех видов, я оплачу.

Цю Цинши скрестила руки на груди, упрямясь:

— Хочу поесть в заведении.

— Нет.

— Да.

— Будешь спорить — высажу.

Цю Цинши сменила тактику: кнутом не вышло, попробуем пряником.

— Я только что тебя целовала, должна же быть какая-то награда?

— Ты сама проявила инициативу.

Цю Цинши цокнула языком, поморщившись:

— Это ты первая высунула язык.

Яо Сянъи: «.....»

Вечно я веду себя как зверь и не вписываюсь в человеческое общество.

Цю Цинши, одержав победу, довольно закивала и, празднуя успех, подключила телефон к системе Bluetooth, включив песню Лян Цзинжу «Тепло».

Она была великолепной актрисой и отличной певицей с чистым тембром, полным женственности. В этот раз она записала свою версию заглавной песни и эндинга для «Хроник Феникса», чтобы поддержать сериал.

Она тихо подпевала, вторя мелодии:

— Я хочу сказать, что на самом деле ты прекрасна, хоть сама того не знаешь. Ты искренне добра ко мне, не требуя ничего взамен.

— Любить кого-то — значит желать ей лучшего. В глубине души мне становится тепло от того, что ты важнее для меня, чем я сама.

Она пела это для Яо Сянъи.

Мягкая мелодия, легкий ритм.

В каждом звуке её голоса сквозила безграничная любовь.

На губах Яо Сянъи заиграла понимающая улыбка.

Под призрачным лунным светом «Майбах» замедлил ход. Окна медленно опустились, и теплый ночной ветерок ворвался в салон, подхватывая песню и унося её в ночное небо.

На середине песни Цю Цинши занялась делом: открыла приложение доставки и нашла популярную закусочную с раками неподалеку. Посмотрев рейтинг и отзывы, она решила попробовать — это место ей рекомендовали кузина Бэй Сичжоу и подруга Ци Байсюань.

Существовало два типа популярных заведений. Первые брали интерьером, превращая всё вокруг в декорации для фото. Вторые были спрятаны в глубине переулков, где мастерство повара передавалось из поколения в поколение и не разглашалось чужакам.

Заведение, которое выбрала Цю Цинши, относилось ко второму типу.

Машина Яо Сяньи была слишком громоздкой, чтобы свободно лавировать в узких переулках, и она нахмурилась:

— Выбирай другое.

Цю Цинши уперлась:

— Не буду.

Яо Сяньи скрежетнула зубами, давая себе зарок в будущем больше не поддаваться животным инстинктам во время поцелуев.

Включив правый поворотник, она съехала с главной дороги и затормозила у входа в темный переулок, где подрагивала единственная тусклая лампочка.

Яо Сяньи, только что посмотревшая фильм ужасов, спросила:

— Ты уверена, что это здесь?

— Едь по навигатору, не тяни.

Ради безопасности Яо Сяньи вызвала телохранителей. Цю Цинши принялась ворчать, что та делает из мухи слона:

— Они приедут не скоро, мы что, будем ждать? Я с голоду умираю!

Она зацепилась мизинцем за мизинец Яо Сяньи, глядя на неё глазами, полными слез.

Яо Сянъи не смогла устоять перед мольбами красавицы и, вздохнув, отпустила тормоз. Машина, словно рыба в воду, скользнула в переулок.

Цю Цинши просияла и, распевая детские песенки, принялась осыпать Яо Сянъи комплиментами: «У меня есть хороший папочка, папочка весь день на работе, трудится ради семьи, мы все её любим».

Яо Сянъи почувствовала, как по лицу поползли черные полосы:

— Замолчи.

Цю Цинши послушно умолкла и, следя за навигатором, скомандовала:

— Медленнее, через двести метров поворот... теперь еще пятьдесят метров и налево...

«Майбах» полз как черепаха.

Навигатор показывал, что цель все ближе.

В животе у Цю Цинши заурчало, и от предвкушения еды у неё потекли слюнки.

Остался последний поворот.

Яо Сянъи мастерски выкрутила руль, и фары осветили группу... «социальных элементов».

Они плотно забили узкий переулок. В руках у каждого были стальные прутья толщиной в запястье, на руках красовались устрашающие татуировки, а выражения лиц были еще страшнее.

Особенно глаза слепили их разноцветные волосы: красные, оранжевые, желтые, зеленые, синие и фиолетовые.

Цю Цинши показалось, что все её палетки теней, румян и помад, вместе взятые, не сравнятся с этим буйством красок.

Береженного бог бережет — Яо Сянъи подняла стекла и велела Цю Цинши спрятать лицо, чтобы её не узнали.

Главарь банды, с прической «площадка» и шрамом на брови, худой как скелет, колотил в чью-то дверь. Железное полотно, покрытое ржавчиной, издавало оглушительный грохот, а главарь вдобавок осыпал жильцов отборной бранью.

Увидев роскошную машину, он с презрением плюнул на землю, но наглотать не стал:

— Мы делом заняты, проваливайте другой дорогой.

Однако один из его подручных, с прической «каштан», оказался не в меру дерзким. Он подошел к машине и пнул колесо:

— Валите отсюда, быстро!

Губы Цю Цинши недовольно сжались в тонкую линию.

Яо Сянъи накрыла её руку своей — тепло её ладони принесло Цю Цинши успокоение.

Яо Сянъи приоткрыла окно на пару сантиметров и предупредила:

— Не трогай мою машину, она дорогая.

«Каштан» покраснел от ярости, пнул колесо еще раз:

— Твою мать, я сегодня же её поцарапаю! Вот увидишь!

Яо Сянъи холодно усмехнулась, бросив на него раздраженный взгляд.

У «Каштана» внезапно пробежал холодок по спине, он потер покрывшуюся мурашками руку и вздрогнул.

Яо Сянъи отчеканила:

— Ты, жди здесь.

Её голос был тихим, но прозвучал как удар молота, отозвавшись в ушах всех присутствующих.

Главарь, повидавший на своем веку немало, был местной «знаменитостью» в преступном мире Хайши. Он впервые столкнулся с тем, чтобы кто-то так неуважительно отнесся к его человеку.

Черт возьми, неуважение к подчиненному — это неуважение к нему самому. И при всех! Как он потом будет смотреть людям в глаза?

Подумаешь, богачка.

Он подошел и влепил «Каштану» две звонкие пощечины:

— Никчемный кусок дерьма, только и умеешь неприятности наживать.

«Каштан», получив тумаков, покорно отступил.

Главарь, засунув одну руку в карман, наклонился к щели в окне. Свет был тусклым, но он разглядел двух женщин.

ТЬфу!

Всего лишь бабы.

Он нервно затряс ногой, пытаясь выглядеть крутым:

— Извинитесь перед моим парнем, и я вас отпущу.

Яо Сянъи:

— Отойди от моей машины.

Главарь:

— Ого, какая дерзкая!

Яо Сянъи, подражая персонажам сериалов, ответила:

— Ну и что?

Главарь не понял:

— Говори по-человечески!

Яо Сянъи:

— Стекло у машины очень дорогое.

Главарь:



— Я его не трогал!

Яо Сянъи:

— Ты плюнул на него.

Главарь: «Твою мать!!!»

В этот момент ржавая железная дверь открылась. На пороге стояла худенькая высокая девушка.

Она держала кухонный нож и кричала изо всех сил:

— Попробуйте только подойти!

Яо Сянъи и Цю Цинши посмотрели туда —

И их зрачки расширились.

Боже мой.

Снова Бай Мэнчжао!

\*\*\*

Это определенно судьба.

В головах у Яо Сянъи и Цю Цинши синхронно пронеслось табун лошадей.

Цю Цинши вжалась в кресло и закрыла глаза, не желая больше ничего видеть:

— Я внезапно перехотела есть. Папочка, поехали домой.

Яо Сянъи посмотрела на неё, потом на Бай Мэнчжао с ножом в руках, и невольно подумала:

Не зря им суждено быть парой — одна любит скалку, другая — кухонный нож.

Идеальная пара!

Цю Цинши чувствовала себя крайне неловко при виде Бай Мэнчжао и торопила Яо Сяньи уезжать.

Яо Сяньи спросила:

— Столько подонков обижают одну девушку, у тебя хватит совести уехать?

Цю Цинши открыла глаза и пробормотала:

— У меня... хватит.

Но голос её предательски дрогнул.

Проницательная Яо Сяньи видела всё насквозь, и в глубине её глаз плясали смешинки.

Цю Цинши отвернулась, глядя на свое отражение в окне:

— Скажи ей, пусть садится в машину.

Яо Сяньи выполнила приказ, приоткрыла окно и позвала:

— Мисс Бай, идите сюда.

Бай Мэнчжао только сейчас узнала Яо Сяньи. Её тонкие брови дрогнули, а рот приоткрылся от изумления:

— Госпожа Яо?

Яо Сяньи повторила:

— Идите сюда.

Бай Мэнчжао подняла нож повыше и, пытаясь выглядеть угрожающе, яростно махнула им в сторону бандитов, прокладывая себе путь.

Ого, а она с характером.

Цю Цинши на мгновение прониклась к ней уважением.

«Невинная лоли» напоминает: уровень симпатии повышен, сладость +1.

Яо Сянъи почувствовала себя лимоном.

Сама же называла её хитрой лисицей, а в глубине души уже успела проникнуться симпатией.

Верно говорят: чем красивее женщина, тем искуснее она лжет.

Бай Мэнчжао подошла к машине и бросила на главаря злобный взгляд. Будучи актрисой, она умела играть глазами — этот взгляд пронзил его, как игла.

Главарь инстинктивно отступил, но, боясь потерять лицо перед подчиненными, толкнул её.

Бай Мэнчжао ударилась поясницей о дверную ручку «Майбаха», охнула от боли, и нож едва не выпал из рук.

— Ты...

Яо Сянъи перебила её:

— Мисс Бай, садитесь в машину.

Бай Мэнчжао: «?»

Цю Цинши была поражена: они тут спасают её жизнь, а она копается, как старая телега.

В трудную минуту протянутая рука помощи заставила остывающее сердце вновь вспылать. Оказывается, в мире еще есть искренность и настоящая любовь.

Глаза Бай Мэнчжао наполнились влагой:

— Госпожа Яо, я не могу вас впутывать. Уезжайте.

Яо Сянъи: «.....»

Яо Сянъи убедилась, что в оригинале её персонаж — полная дурочка.

Цю Цинши не выдержала:

— Садись в машину, там и поговорим.

Бай Мэнчжао вытерла слезы и, решив пожертвовать собой, сказала бандитам:

— Отпустите их, все вопросы ко мне.

Цю Цинши закатила глаза: «Безнадежно, просто безнадежно».

«Невинная лоли» напоминает: уровень симпатии снижен, сладость -1.

Яо Сянъи: «???»

Система — та еще штучка.

Её терпение лопнуло:

— Сказала садись, значит садись!

Кто посмеет перечить разгневанному боссу? Тем более Бай Мэнчжао, которая была еще студенткой. Она покорно убрала нож и открыла дверь.

Главарь прижал её руку к двери:

— Думаешь, я покойник? Ты сейчас уедешь, а с кого мне деньги трясти? С твоей матери, что в больнице валяется, или с твоего папаши-тряпки? Кстати, он дома? Мужик называется, раз девчонку на разборки посылает!

Бай Мэнчжао сверкнула глазами:

— Предупреждаю, не трогай моих родителей.

Главарь мерзко захихикал:

— Ой, испугалась, как страшно.

Бай Мэнчжао трясло от ярости, на руке, сжимавшей нож, вздулись вены:

— Деньги я вам вернула с процентами. Шестьсот тысяч до копейки.

— Ври больше! Мы ростовщики, а не благотворительный фонд. Короче, принесешь еще миллион, иначе я разнесу твою компанию.

«Каштан» поддакнул:

— Именно! Ты теперь звезда, деньги у тебя есть. Если поднимем шум, тебе же хуже будет.

Остальные бандиты поддержали его.

Бай Мэнчжао отчеканила:

— У меня нет денег!

Главарь оскалился, обнажив желтые от табака зубы:

— Говорят, в шоу-бизнесе полно всяких «правил». Ты молодая и красивая, переспишь с каким-нибудь боссом — и деньги будут!

Подручные заржали, отпуская сальные шуточки.

Главарь, осмелев, потянулся потрогать её за щеку:

— Какая нежная. Давай лучше со мной переспишь, сделаю скидку — миллион за полцены.

Бай Мэнчжао затошнило от его мерзкого вида, и она плюнула ему в лицо:

— Тьфу!

Яо Сянъи, как глава старинного богатого клана, у которой кроме денег ничего не было, решила вмешаться:

— Миллион я за неё заплачу.

Цю Цинши не поверила своим ушам:

— Яо Сянъи, ты с ума сошла?

Миллион — не маленькая сумма. Бай Мэнчжао им никто, с чего бы такая щедрость? Даже на содержание «канареек» столько не тратят.

«Невинная лоли» напоминает: уровень симпатии снижен, сладость -1.

Сладость -2.

Сладость -3.

Сладость -4.

...

Яо Сянъи: «Небо хочет моей смерти».

Бай Мэнчжао тоже решила, что Яо Сянъи не в себе, и вежливо спросила:

— Госпожа Яо, вы шутите?

Яо Сянъи выпрямилась и серьезно спросила:

— Похоже на шутку?

Она опустила козырек, достала чековую книжку...

Сладость -5.

Сладость -6.

Сладость -7.

Яо Сянъи застыла, кивнула Бай Мэнчжао:

— Да, я шучу.

И молча убрала чековую книжку обратно.

Цю Цинши изящно закатила глаза.

Бай Мэнчжао: «.....»

Главарь: «.....»

Бандиты: «.....»

Главарь почувствовал себя оскорбленным до глубины души. Он взлохматил свои грязные волосы, с которых посыпалась перхоть, и завопил:

— Издеваешься надо мной?! А ну выходи из машины, если смелая!

Цю Цинши пришла в ярость. Её жену может обижать только она сама, с чего вдруг какой-то мелкий бандит позволяет себе хамить?

Она размяла плечи и собралась выйти, чтобы преподать ему урок.

Сердце Яо Сянъи ушло в пятки:

— Ты что, тебе же нельзя светиться!

Бандиты выросли в уличных драках, у них полно опыта, они не знают жалости и бьют по больным местам — Цю Цинши им не соперник.

— Сиди в машине, я сама...

Цю Цинши, вошедшая в роль «защитницы жены», не дожидаясь ответа, разблокировала двери, выскочила из машины и открыла багажник. Схватив титановую клюшку для гольфа, она вышла наружу.

Её аура была невероятной.

Она выглядела даже страшнее, чем в тот день, когда лупила Яо Сянъи скалкой.

Кошки, хоть и нежные, но обладают острыми когтями, и если они пустят их в ход — мало не покажется.

Яо Сянъи, волнуясь за неё, заглушила мотор и выскочила вслед.

Она увидела, как Цю Цинши, приняв голову главаря за мяч для гольфа, с невероятной грацией и силой замахнулась клюшкой.

Главарь не успел среагировать и взвыл от боли:

— А-а-а-а!

Его вопль был настолько пронзительным, что, казалось, у всех присутствующих чуть не слетели крыши.

Главарь был в отчаянии.

<http://bllate.org/book/21445/2191668>